

18+

Стейси Тисдейл

Не называя имен

Стейси Тисдейл

Не называя имен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344577

ISBN 9785448592553

Аннотация

Теа Бартон – обычная девушка-интроверт, для которой подруги пытаются найти вторую половинку против ее же воли, заманивая на свидания с помощью обмана. Девушку такая тактика ужасно раздражает, и когда она встречает очередного парня, то вовсе не желает знать его имени...

Содержание

1	5
2	18
3	31
4	41
5	55
6	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Не называя имен Стейси Тисдейл

© Стейси Тисдейл, 2020

ISBN 978-5-4485-9255-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Теа

Тихонько закрыв за собой дверь, стараюсь еще тише ступать на пол, чтобы не разбудить спящих домочадцев. Не думаю, что маме с папой понравится видеть свою дочь посреди комнаты в куртке, а не в пижаме. На носочках медленно пробираюсь к лестнице, останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы послушать, не проснулся ли случайно кто. Осторожно ставлю ногу на первую ступеньку, и раздается неприятный скрип, разрывающий тишину будто бы взрыв бомбы. «Нет, нет, нет», – молится внутренний голос, глаза непроизвольно замуриваются, и тело застывает в ожидании чего-то очень страшного. Но ничего не происходит ни через две секунды, ни через тридцать секунд, поэтому мой путь наверх продолжается. Минута, и я стою на втором этаже, думая над тем, как проскользнуть в свою спальню мимо родительской. Папа всегда очень чувствителен и даже чей-нибудь шумный вдох может разбудить его и повлечь за собой неминуемую катастрофу. «Еще тише, Теа, вот так... Тише...» Последний метр, и я стою возле двери своей комнаты, радуясь, что осталась незамеченной и снова смогла это сделать. Вообще, такая схема действий для меня не новая. Я проворачиваю её уже второй год и еще ни разу не попалась. Облегченно выдохнув, вхожу в комнату, бросая на стул

кофту. Слившийся с тьмой Шедар поднимает голову и смотрит на меня блестящими игрушечными глазами.

– Привет, – машу рукой псу, и тот снова кладет голову на кровать, будто бы ему перестало быть интересным происходящее. Конечно, он привык, что хозяйка исчезает на пару часов почти каждую ночь.

Повседневная одежда сменяется на пижаму. Распустив волосы, пальцами массирую кожу головы, краем глаза поглядывая на себя в зеркало. Я не думала, что так устала, пока не присела на кровать. Тело обмякло и веки стали невыносимо тяжелыми, чтобы еще хоть минуту держать их открытыми. Голова касается подушки, и сон действует незамедлительно, заключая меня в свои объятия.

Играющее по утрам радио на кухне официально причислено к тем вещам, которые не меняются. Даже если мир сию же минуту рухнет, радио все равно будет играть. Мама готовит тосты, параллельно стараясь выгладить папину рубашку, пока сам папа пьет свой слишком сладкий чай и ищет ключи от автомобиля. Вокруг и так достаточно шума, а радио все никак не умолкнет, донося до мира сего какую-то старую песню восьмидесятых.

Я медленно спускаюсь по лестнице, сонно зевая и пытаюсь распутать пальцами образовавшееся на голове гнездо из волос; сзади плетется Шедар, неуклюже перебирая лапами ступеньки и вертя хвостом. От одной мысли о предстоящем дне хочется пойти обратно в комнату, лечь на кровать и зарыть-

ся в одеяло, пролежав сутки напролет таким образом.

– Доброе утро, – пробегает мимо мама, успевая задеть губами мою исполосованную от подушки щеку. Она несется к тостеру, вытаскивая из него поджаренные ломтики хлеба и заталкивая новые.

– Доброе, мамуль.

– Привет, – а вот и папа торопливо застегивает на ходу рубашку.

– Привет, пап. Опять опаздываешь?

– Я никогда не опаздываю! Это все они приходят слишком рано. Всем пока! – кричит он с порога и исчезает за входной дверью.

– Теа, садись завтракать быстрее. Сегодня отвезу тебя в школу пораньше. У меня есть ещё дела до работы.

Мама поднимается вверх, а я сажусь завтракать. Нет, конечно же, нет. Я не сяду завтракать до тех пор, пока один хитрый толстый лабрадор не получит полную миску корма. А до тех пор он будет путаться в ногах и лаять. Поэтому первым делом наполняется миска Шедара, и только потом на моей тарелке появляется пара остывающих тостов.

Перед старшей школой Ричмонд-Хилл потоки учеников беспрерывно делятся на большие и маленькие группы, обменивались приветствиями и последними настоящими и выдуманными новостями, а есть и те, кто просто в одиночку спешит к дверям учебного заведения, чтобы первым влететь в кабинет и занять самое лучшее место в классе. Всё кишит,

все суетятся, как муравьи в муравейнике, и ни за кем невозможно уследить. Жизнь вокруг неизменно кипит, как и каждый божий день, создавая вокруг какофонию из топота и разномастных голосов.

Сидя на переднем сиденье, догрызаю кислое яблоко, в это же время рассматривая среди нескольких сотен лиц два самых знакомых, своих подруг – Холли и Арию. Мамина скулящая тормозами машина останавливается перед школьным двором, становясь между стареньким «кадиллаком» и чьим-то красным скутером.

– Увидимся вечером, – лепечет мама, целуя меня в лоб.

– Пока, – машу ей рукой и выхожу из машины, попадая под слепящие лучи канадского солнца.

На школьном крыльце, среди снующих парней и девушек, над чем-то смеются те самые выделяющиеся из толпы подружки, согнувшись в три погибели от хохота.

– Привет, девчонки, – подхожу к каждой и обнимаю. – Над чем смеетесь?

Холли тычет мне в лицо телефоном.

– Вчера вечером слили.

На дисплее высвечивается фотография длинноволосого байкера: куртка расстегнута, открывая взору обвисшее голое тело, узкие штаны, с красной банданой на лысой голове и табуировкой Амура на ключице, в перекошенном лице которого узнаю нашего учителя математики – мистера Райана. Мужчина выглядит настолько нелепо и странно, что я не на-

хожу в себе сил сдерживать смех, и он тотчас вырывается изо рта, заставляя мышцы живота судорожно сокращаться и лишая легкие воздуха. Может быть, если бы не его оскал, который вовсе не похож на оскал, а скорее на кривляние с закатанными глазами, все было бы не так уж и плохо.

– О Боже, кто это нашёл?

– Без понятия! Но этот умник определенно сделал начало дня очень даже неплохим.

Конечно, смеяться над личным фото учителя жестоко, и мне даже стыдно за это, пусть я не питаю любви к нему и его предмету, но иногда что-то коварное блокирует всё это одним лишь щелчком.

Противный, бьющий по ушам звонок проносится по всем этажам и коридорам школы, звенит во дворе, призывая учащихся немедленно пройти в кабинеты на бесконечные уроки. Невольно морщусь от металлической трели, тяжело вздыхая – пора учиться.

– Кстати, Теа, у нас для тебя сюрприз. После школы в пиццерии за углом, – загадочно вздернула брови Ария, покосившись на Холли. Теперь они оба выглядят загадочно, подогревая мой интерес.

– Хорошо, я приду, – немного помедлив, отвечаю им. – Надеюсь, вы решили сделать мне подарок и скинуться на большую гавайскую пиццу.

– Конечно, – усмехнулись они и исчезли в редящем потоке, оставляя меня с множеством вариантов внезапного сюр-

приза, и он может быть любимым, но, кажется, я догадываюсь, какой именно меня ожидает.

На часах 15:35. Время, когда заканчиваются занятия. Все учителя и ученики покидают стены кабинетов и многочисленные коридоры здания, спеша по своим делам. Спешно сложив учебники в свой шкафчик, я торопилась на назначенную подругами встречу, чувствуя смутное ощущение нежелания идти. Но, тем не менее, через пять минут я все же шла в направлении той самой пиццерии.

Чем больше сокращается мой путь до заведения, тем меньше хочется там оказаться. Даже за стеклянной дверью с наклеенной надписью «Всем именинникам скидка 20%!» чувствуется единственный в своем роде запах испеченного теста, сыра и грибов, сводящих с ума. От внезапно возникшего голода урчит желудок, а в воображении возникает картинка пестрой круглой пиццы, занимающей всю поверхность деревянного подноса. Блаженно прикрыв глаза, глубже вдыхаю аромат любимого лакомства и дергаю дверную ручку пиццерии.

Найти подруг было не сложно – они громко смеялись, сидя в обнимку с Шоном и Дэниелом, а рядом с ними находился неизвестный мне брюнет с прилизанными блестящими волосами и косой самодовольной ухмылкой. Именно он стал главным подтверждением моих ожиданий. Стоя на месте, захотелось сбежать, выйти обратно за дверь, пока они не заметили меня. Я могла бы придумать любую отмазку,

найти причину среди тысяч причин, но было слишком поздно – Холли помахала мне рукой, а через мгновение уже все пятеро подавали мне сигналы. «Иди сюда, Теа, мы здесь!» Натянув обреченную улыбку, иду к дальнему столику, замедлив шаг на середине пути, потому что Ария и Шон пересели, освобождая мне место рядом с широкоплечим парнем. Квадратная челюсть, густые широкие брови, из-за которых взгляд кажется лукавым и грозным, застывшая на губах идеально ровная улыбка, походившая больше на оскал, нежели на улыбку. На нем был надет синий бомбер с белыми рукавами на спине которого красовался гладиатор с щитом и мечом в руках. Типичный спортсмен, я бы сказала. В нем нет ничего особенного. Мысленно чертыхаюсь, всеми силами стараюсь сохранить милое личико. Наверное, мое лицо когда-нибудь затвердеет в таком виде от бессмысленных попыток друзей свести меня с какими-то пустыми показушниками. Если бы это был первый раз, когда они пытаются найти мне парня... Я никогда ничего подобного не просила, а они ведут себя так, будто бы это то самое желание, которое я каждый раз загадываю на день рождения. Невозможно заставить человека полюбить насильно. Либо ты чувствуешь что-то необъяснимое, либо ничего. Вообще.

– Но я не хочу пока ни с кем быть! Мне и одной вполне неплохо.

– Будешь так говорить – останешься в девках на всю жизнь.

И этот диалог никогда не звучит по-другому. Неужели так сложно понять, что человек и один чувствует себя прекрасно?

– Привет, – здороваюсь со всеми, присаживаясь на край сиденья, будто бы незнакомец кусается или заразный. Тот улыбается мне во все зубы, даже не пытаюсь побороть желание пригладить свои отражающие как зеркало волосы. То, что чувствую сейчас я, так это рвотный позыв от одного его вида. Может, другие девушки и посчитали бы его идеальным принцем на белом коне, или что-то в этом роде, но меня такой типаж парней совершенно не привлекает, скорее наоборот, отталкивает. Люди, добровольно соглашающиеся на такие знакомства просто отчаянные идиоты, которые не способны любить, не знают даже значения этого слова. Они пустые и поверхностные, непостоянные и эгоистичные. Для них отношения – игрушка на неделю, и это только сильнее злит меня. Как же мне надоели все эти знакомства: новые имена, до противного смазливые лица. Прошлая неделя – Сэм, позапрошлая – Кори... Не хочу больше слышать ни одного нового бессмысленного имени!

– Теа, это Ноа, – представляет мне «лакоголового» Ария. – Ноа, это Теа.

– Очень приятно, – проговаривая каждое слово, вздергивает бровь Ноа и тянется за моей рукой, чтобы поцеловать. Думает, что сыграет галантного джентльмена и все? Ха!

Протягиваю ему руку, но тот не успевает коснуться ее губ-

ками, потому что я хватаюсь за его ладонь и начинаю трясти. Остальные парочки удивленно смотрят на нас, у Дэниела вырывается короткий смешок, который он сглаживает кашлем. Ноа смотрит на меня, выдавая свою, по всей видимости, фирменную улыбку:

– Как дела, Теа?

– Мм... Шикарно, спасибо.

– Круто. Мы вчера выиграли у школы из соседнего города.

Я стал лучшим игроком сезона. Футбол, кстати.

Мои брови взмывают вверх, и я поворачиваю голову в сторону подруг, всем видом говоря: «Серьёзно?» Эгоизм прямо-таки покрывает этого парня толстым слоем с головы до пят! Теперь меня тошнит ещё больше. «Надо было уходить! А еще лучше вообще не идти!» – кричит внутренний голос.

– Вау. Поздравляю, – единственное, что могу ответить.

– Спасибо!

Ноа опускает свою здоровенную руку мне на плечо и тут же обнимает, будто бы мы старые друзья, а не познакомились всего лишь минуту назад. Но, должна признать, выбор одеколona порадовал. Отталкиваю его локтем, пытаюсь выбраться на свободу, не забывая о миленькой улыбке. «Вам конец», – посылаю мысленный сигнал Холли и Арии. Мне интересно, что во фразе «пока что хочу быть одной» не ясно?! Сколько уже раз мы проходили через подобные «сватанья», сколько раз я отшивала таких же пустышек, как лако-

головый, они так и не поняли... Кошмар наяву. Так некомфортно и неуютно, будто бы меня посадили в темный чулан, кишасий пауками, и этот чулан уменьшается в размерах. Такие навязчивые знакомства волей-неволей расцениваются как попытка залезть в душу своими холодными грязными пальцами и все там перевернуть с ног на голову, ломая и переставляя как вздумается. И в это время я всеми силами запираю маленькую дверцу на все замки и засовы. Надоело!

Мой маленький круг ада длился еще два часа после прихода. Бесконечные разговоры карьериста-футболиста о себе любимом оповещали нас о походах на все существующие вечеринки (мы узнали, какие самые лучшие и самые худшие), о его многочисленных наградах за достижения в спорте (в футболе), о состоянии своей семьи (что-то мне подсказывает, что это чистой воды ложь, хотя кто знает). Выслушав парня с огромным как земной шар эго, невольно возникает вопрос, где они его нашли? Откуда подруги притащили это чудо с вакуумом внутри? Красивая оболочка с пустотой внутри – вот точная характеристика Ноа и ещё где-то тридцати-сорока процентов населения планеты. С одной стороны мне жаль таких людей, они не знают того чувства, когда заботаешься о других и делаешь их день чуточку лучше. Любое желание продолжать беседу с ним отпадает, отвращение лишь усиливается, и как же безумно я радуюсь, когда звонит мама.

– Простите, мне нужно ответить на звонок.

Выхожу из-за стола даже быстрее, чем следовало бы.

– Да мам?

– Теа, ты где? Я приехала с работы раньше, а тебя нет дома...

– Я в кафе с девчонками.

– Ох, ну ладно, а то я хотела предложить тебе съездить в магазин за продуктами, – разочарованно вздохнула мама на другом конце телефона. – Тогда увидимся...

– Нет, – торопливо перебиваю её. – Думаю, Ария и Холли не расстроятся, если я оставлю их и прокачусь с тобой. Заберешь меня возле итальянской пиццерии рядом со школой?

– Да, конечно. Через пятнадцать минут. Пока!

– Жду, – улыбаясь, лепечу в ответ и кладу трубку. Выдыхаю. Большое облегчение при мысли о том, что совсем скоро я уйду отсюда, настигает меня.

Не скрывая радости, возвращаюсь к компании.

– Теа, что с тобой? Ты прям вся светишься, – вздернув бровь, улыбается уголком рта Холли. На самом деле выражение ее лица похоже на то, когда съел что-то противное, но пытаешься сделать вид, что тебе понравилось, чтобы не расстроить повара. Наверно, примерно так же я выглядела, пока сидела рядом с лакоголовым Эгоистом. Даже не знаю, от чего больше свечусь: от скорого ухода в свою комфортную жизнь, или от первой и последней встречи с зазвездившимся футболистом.

– Мама звонила, просила помочь ей с одним делом, так

что через десять минут меня с вами уже не будет. Простите, ребята, – выдавливаю расстроенное выражение лица. Подруги неодобрительно смотрят на меня – их очередная попытка провалилась. В отличии от них, Ноа, похоже, даже не услышал моих слов. Он с невероятным увлечением рассказывал что-то Шону и Дэни.

Осталось потерпеть десять минут, и все это закончится.

– Слушайте, на выходных я устраиваю вечеринку у себя в честь окончания учебного года. Было бы круто, если б вы пришли, – выпаливает Ноа. Мой внутренний голос начинает кричать и визжать что есть мочи. Еще раз увидеть самодовольное лицо с тонной лака на голове, да еще и в его же доме?! Мир начинает сходить с ума, стараясь прихватить меня с собой.

– Спасибо, но... – начинаю искать отговорку, как вдруг меня перебивают горе-свахи:

– Конечно. Мы с удовольствием придем!

Кажется, сейчас я побила все рекорды по размерам глаз. Меня только что обрекли на верную погибель, на ещё одно испытание, сравнимое с кругами ада. Свирепо смотрю на ухмыляющихся во весь рот подруг: «А вам не хочется узнать, хочу ли я там быть?.. Вы что вообще вытворяете?! Разве не видите, что он мне вообще не нравится! Он же самовлюбленный нарцисс со словарным запасом как у попугая!»

2

Я практически уснула, в полглаза читая «Ночную музыку*», когда внизу послышался голос мамы, зовущий меня спуститься вниз. Еле уговорив себя подняться с постели, сонно плетусь к двери, по пути потирая ладонью правый глаз.¹

– Что, мам? – хриплю с самой последней ступени лестницы.

– К тебе пришли Холли и Ария.

Странно, ничего, вроде, не говорили... Слегка нахмурив брови, с ритмичным стуком спускаюсь вниз. Девушки стоят у двери, миленько улыбаясь и о чем-то беседуя с моей мамой.

– Привет, – здороваюсь я, подходя к ним.

– Ты еще не собралась? – возмущенно поднимает руки вверх Бенсон. Я же удивленно таращусь на неё, искренне не понимая и судорожно пытаюсь вспомнить, куда должна была собраться.

– Вы куда-то уходите? – с нотками упрека, покосилась на меня мама: «И ничего мне не сказала?»

– Теа и Холли сегодня ночуют у меня. Небольшая вечеринка с пиццей и ужасиками. Миссис Би, Вы ведь отпустите эту забывашку переночевать ко мне? – состроив мордашку,

¹ Одноименный роман английской писательницы Джоджо Мойес.

принялась клянчить Гиллис .

И что они опять удумали, вертелось в голове, опять на свидание? Нет уж, с меня хватит. Я не хочу никуда с ними идти, поэтому мысленно молю маму запретить мне. Она молчала несколько затяжных секунд, пока, наконец, не ответила:

– Ладно. Почему бы и нет.

И в этот момент захотелось закрыться в своей комнате, заколотить в ней дверь и окно, тем самым отгородив себя от мира хоть на пару часов. На самом деле, я все ещё в обиде на них за то внезапное свидание в пиццерии. Было даже более, чем некомфортно. Наверно, такого слова еще не придумали, чтобы выразить весь осадок, оставшийся после очередных смотрин. Находиться сейчас рядом с ними немного неприятно...

– Здорово! Спасибо, миссис Би, – радостно хлопнул в ладони темнокожая. – Тогда, мы поможем тебе собрать все необходимое, – обратилась она ко мне.

Не дав сказать и слова, подруги поволокли меня наверх в комнату; внутри зарождалось неприятное предчувствие.

– Ночевка?! – закрывая за собой дверь, восклицаю вполголоса.

– И да... И нет, – сев на кровать, парирует Холли. – Ты будешь ночевать у меня, но большую часть времени мы проведем в другом месте.

– Что? Куда вы собрались?

Меня будто бы ударило током, от которого напряглись все мышцы тела; уют из комнаты вдруг куда-то испарился. Подсознательно я уже знаю, что выбора у меня не будет... От загадочных улыбок подруг становится не по себе намного больше. Сейчас они похожи на злодеек из фильмов, придумавших грандиозный план, который обязательно воплотят в реальность, не смотря ни на что.

Ария вытаскивает что-то из кармана джинс и показывает мне – в ее руках такая же салфетка с адресом, как и та, выброшенная мной в мусорку. Нет, даже с титанической силой они не вытащат меня из дома туда.

– Ни за что, – складываю руки на груди, чтобы выразить твердость своей позиции.

– Да ладно тебе, почему бы не сходить на вечеринку? Тем более нас пригласили, и Ноа не умолкал о тебе, когда ты ушла.

Серьёзно? Неужели он забыл о футболе и своих сверкающих идеальных зубах и заговорил о ком-то другом, кроме себя самого? Думаю, этого не случится, даже если он будет находиться под самыми жесткими пытками изоощренного садиста.

В ответ на её ложь лишь усмехаюсь, отворачиваясь к окну. Солнце медленно стремится к бесконечной линии горизонта, окрашивая пуховых небесных овец в нежные пастельные цвета. Я бы предпочла сейчас уйти в другое место.

– Теа, пойдём. Ты толком и не была на вечеринках за все

свои семнадцать лет! Будет весело, – убеждает черноволосая подруга. – Не Ноа, так, может, кто-нибудь другой тебе понравится. В конце концов, мы же не замуж за него выходить заставляем!

– Как раз таки именно такое у меня ощущение и складывается, – признаюсь я.

Девушки удивленно переглядываются, как будто бы я несу целый воз отборного бреда, хотя так оно и есть на самом деле – они сводят меня практически со всеми подряд, если не так и есть.

– Ладно, давай посмотрим, что сможем найти подходящего в твоём гардеробе, – как бы невзначай, они начали переводить тему, спрыгнув со своих мест и столпившись возле настешь распахнуться шкафа.

Яркие гирлянды, флажки с гербом футбольной команды, в которой, видимо, состоит Ноа, парни в своих командных футболках в окружении толп девушек, грохочущая музыка, традиционные красные пластиковые стаканчики с чем-то, чего я пробовать точно не собираюсь – все, присущее типичной вечеринке. Десятки таких же подростков дергаются в такт музыке, как и всегда, собравшись в небольшие группы. Они визжат и ежесекундно что-то выкрикивают, вот только что именно, разобрать не удастся; вопли сливаются в один общий гул. На секунду я теряюсь, кто-то небрежно толкает меня в спину, и почему-то все вокруг начинает казаться маленьким подобием преисподней, только без огня повсюду

и в роли чертей выступают заполонившие дом люди. Чья-то рука находит мою и крепко сжимает ладонь, уводя за собой. Ария ловко петляет между толпой, плавно обходя каждого, будто бы грациозная гуппи, проплывающая среди заросли водорослей. Я не понимаю, куда она ведет меня, но надеюсь подалее отсюда.

Когда мы останавливаемся, наступает сильнейшее разочарование, потому что Гиллис привела меня в компанию Ноа Коллинза с еще парой каких-то парней. Холли, Дэни и Шон тоже находятся тут, держа в руках по стакану и над чем-то хохоча.

– Теа, вот ты где! – восклицает Ноа так, будто бы бесконечно рад меня видеть. – Ребята, это Теа. Теа, это ребята: Трэвис и Крейг, – парни машут мне рукой, украдкой пробежавшись оценивающими взглядами, от чего кажется, что личное пространство окончательно разлетается вдребезги. Замечательно, еще пара бесполезных имён. Хозяин вечеринки придвигается ближе ко мне протягивает напиток, который я беру, но пить не собираюсь.

– Так из какой вы школы? – интересуется один из друзей Ноа.

– Старшая школа Ричмонд-Хилл, а вы?

– Монтессори, – с чувством превосходства и важности отвечает блондин, и тут я вспоминаю, что это именно они разгромили наших футболистов, тем самым выиграв нынешний сезон. Именно на вечеринке по этому поводу мы сейчас на-

ходимся.

– Поздравляю, – выдавливают Шон, хотя он должен больше всех ненавидеть их, ведь Шон входит в сборную от нашей школы.

В центре зала какой-то высокий худощавый парень встает на кофейный столик, вознося над головой жестяную банку и выкрикивая: «Гладиаторы, вперед!» Толпа взрывается очередным залпом криков. Стоящие рядом со мной тоже восклицают, в то время как я вяло хлопаю в ладоши, пусть и изо всех сил пытаюсь проявить энтузиазм. Пока внимание приковано к парню в центре, кто-то касается моей спины и обвивает рукой талию. От испуга я вздрагиваю, чувствуя ускоренное сердцебиение и прилив крови к щекам. Поворачиваю голову в сторону Коллинза, выражение лица которого остается прежним, будто бы он сделал что-то обыденное, на автомате, вроде выключить свет в комнате. Ощущая дикий дискомфорт, отодвигаюсь от парня, делая шаг в сторону. Нужно уходить отсюда, причитает внутренний голос, и я полностью с ним согласна. Большое количество людей утомляет меня, заставляет чувствовать себя не в своей тарелке. Все, что требуется, это подгадать момент – и сбежать. Ноа косится на меня, оскалив зубы, а я стараюсь сделать вид, что не замечаю этого.

Ребята говорят о всякой бессвязной ерунде, пока я, молча, слушаю их, изредка оставляя реплики и стараясь держаться на расстоянии от чересчур самоуверенного футболиста. Му-

зыка становится громче, люди безумнее и развязнее, появляется запах табака, пробуждающий скручиваться желудок; вместе со всем этим увеличивается и желание поскорее выбраться туда, где я чувствую себя комфортно.

– Ноа, да обними ты уже Тею! – усмехается второй друг Коллинза, Трэвис. Все остальные начинают ему поддакивать, в том числе и мои друзья.

Ноа без проблем тянет меня к себе, крепко прижимая рукой. Тысячи вулканов одновременно взрывается во мне, заполняя лавой все внутри под завязку, в глазах пылает пламя злости и раздраженности. Приложив силу, отталкиваю парня, вырываясь из хватки, пробормотав, что мне нужно в туалет. Почти что бегу к выходу, ожидая, что Ария и Холли поплетутся следом. Если бы они так поступили, то стали бы первыми, на кого выльется мой гнев. Это все их вина. Они познакомили меня с этим болваном, они притащили меня сюда и это они ни разу не спросили моего согласия! Может, стоило бы на них накричать, чтобы поняли? «Да, я хочу накричать на них!» – скандирует голос в голове. «Но ты все равно не сможешь накричать на них, насколько не была бы зла», – подводят итог мысли.

На улице ничуть не прохладнее, чем в доме. Воздух теплый и спертый, даже не смотря на то, что солнце уже давно село, и все же это намного лучше, чем находиться внутри. Иду по выложенной крупным камнем дорожке, пересекая границу территории, огражденной высоким чугунным забо-

ром. Только тогда злость отступает и чувствуется свобода. Не оборачиваясь на забитый, как консервная банка дом, иду в направлении того места, куда могу добраться и с закрытыми глазами.

Мягкая трава, устланная ковром на земле, щекочет пальцы ног, припадая к земле под весом тела, она переливается серебром от света луны, будто бы это не трава, а самый настоящий шёлк. Ночные сверчки разлетаются в стороны, чувствуя приближающуюся опасность, притаившись меж травинок до тех пор, пока устрашающее чудовище невообразимых размеров не будет достаточно далеко. Почерневший от ночной пелены Холм громко стрекочет свою вечную древнюю мелодию, успокаивающую в человеке такую же древнюю частичку. Это то место, откуда не видно ни домов, ни бесконечных линий фонарей вдоль дороги, не слышно надоедливого тархтения машин... Деревья, которыми усеян весь парк, скрывают меня от остального мира, словно возведенная стена. Здесь давно не разливают свет фонарные столбы возле деревянных скамеек, но мне это даже нравится. Свет фонарей приглушает свечение той основной причины, по которой я прихожу сюда почти каждую ночь лета. Из-за созданного человеком электрического света звезды не светятся так ярко, а вот когда его нет, бездонное небо оживает, оно будто бы движется в своей собственной динамике, переливаясь серебряными обработанными небом как океаном маленькими осколками огромного зеркала.

Я смотрю на луну, звезды и мысленно рассказываю им обо всём затаившемся внутри, в буквальном смысле изливая душу, или же просто разговариваю, как в кругу давнишних друзей. Это происходит невольно, само собой. Ты просто смотришь наверх на освещенную серебряным светом бесконечность, пытаешься что-то увидеть среди разделенных расстояниями в сотни и тысячи световых лет мерцающих надежд и мечтаний. Придаешься ей, воображая себя где-то там же, цепляющимся за всевидящий серп. Они никому не расскажут, они поймут и поддержат. Когда останешься наедине с небом, понимаешь, что тебе больше ничего не нужно.

Иногда мне кажется, что любовь к звездам самая сильная. Любить что-либо больше просто невозможно. Они гаснут и мерцают, пересекают бесконечную черноту в мгновение ока, унося за собой десятки тысяч желаний. Возможно, падающие звезды не гаснут и не исчезают, путешествуют из одной вселенной в другую, так же, как люди сменяют свое место жительства, или путешествуют по миру, так и звезды не могут подолгу находиться на одном месте. Иначе как объяснить появление новых, и угасание старых? Глядя на звезды, хочется мечтать и верить в то, что мир вокруг действительно прекрасен, и состоит эта красота не из больших вещей, а из маленьких деталей.

Кинув рядом туфли, ложусь на прохладную траву со сладковатым запахом, подложив руки под голову и позволяя глазам наполниться самым прекрасным блеском, который они

только видели, позволяя телу, наконец, расслабиться, успокоиться, вдохнуть полной грудью. Я досконально изучила карту звездного неба и теперь с легкостью могу найти любое созвездие в западном полушарии. Ночами я лежу здесь, на этом самом месте, слушая симфонию цикад и находя созвездия, считая количество небесных светлячков в каждом, приводя свои мысли в порядок. Вот то самое место, где мне нравится находиться больше всего на свете. Этот Холм – мой второй дом.

Я не ненавистница людей и общества, просто мне нравится быть наедине с собой. Быть немного замкнутой не плохо и не странно. Это нормально – быть погруженной в свой мир и пытаться сохранить его. Да, я держу людей на расстоянии и очень редко кого подпускаю достаточно близко, даже родных, но это не значит, что я социофоб. Я могу открыться, только когда почувствую легкий толчок в груди и услышу шепот: «Не бойся, тебя поймут. Все будет хорошо.» Я не открываю душу многим просто, потому что люди разучились слушать и по-настоящему понимать, не пытаюсь сделать, пустую попытку утешить других людей, а есть и такие, кто просто посмеется в лицо, притворившись на минуту другом. Люди разучились быть настоящими. Лицемерные, двуликие статуи все больше и больше заполняют нашу планету.

Я беспечно плыву по синей воде среди звёзд уже достаточно долго. Конечно, остаться ещё на какое-то время не составит труда, я бы с удовольствием, но путь до дома Гил-

лисов тоже отнимет примерно час ходьбы, может даже чуть больше. Сменив лежачее положение сидячим, чувствую тягу вновь лечь и поплыть с умиротворяющим течением в неизвестность, она так и манит, поэтому как можно быстрее надеваю туфли и встаю. Глубокий вдох и выдох, омывающий лёгкие. Прикрытые на секунду глаза. «До завтра, Холм».

Спускаюсь вниз с небольшой горки, размышляя над тем, вернулись ли уже с вечеринки Холли и Ария, или ещё нет, и если вариант «нет», то, как попаду в дом, ключа нет и родителей подружки тоже сегодня нет.

Где-то вдалеке слышится приглушенный вопль, заставляющий напрячь слух и идти медленнее. «Кого-то убивают!» – выбрасывает инстинкт самосохранения. – «Разворачивайся и делай ноги, пока не поздно!» «Вдруг кому-то нужна помощь?!» – начинает частичка альтруизма. «Интересно, что там происходит?» – протягивает непоколебимое любопытство. На самом деле, все те ночи, что я здесь была, ни убийств, ни ограблений, ни даже спящих на скамейках бродяг тут не было. Эти крики – первая подобная вещь, происходящая здесь. И, тем не менее, сердце мастерски отбивает чечетку в груди, то сжимаясь, то разжимаясь, мурашки пробегают по спине, желудок скручивается в узел. Что-то заставляет меня чуть нагнуться, идти осторожнее, словно крадущийся хищник. Я могла бы убежать, но любопытство и есть та вещь, которая когда-нибудь не приведет меня ни к чему хорошему.

Чем дальше отхожу от холма, тем громче и четче становятся слышны звуки, напоминающие истошные вопли, под завязку наполненные страхом. Нахмутив лоб, ускоряю шаг и следую дальше.

Вдали появляется черный силуэт, быстро увеличивающийся в размерах и движущийся в мою сторону. Кажется, это тот самый человек, источник шума, и он бежит со всех ног. Расстояние между нами было не больше ста метров, когда слова стали различаться:

– Эта собака меня сейчас порвет! Помогите! А-а-а!

Парень чуть-чуть отклоняется, и тогда я вижу, что за ним гонится массивный ротвейлер, разинув огромную пасть и клацая белыми зубами, от чего слюни разлетаются по обе стороны рта.

– Беги! Беги! – орет бегун, почти что настигнув меня.

Ощувив укол страха, и почувствовав слабость в ногах, разворачиваюсь и со всех ног бегу в обратную сторону, точно как велел инстинкт самосохранения в начале. Впереди есть забор, там собака точно не достанет, вспоминаю на ходу. Задыхаясь из-за сбитого дыхания, стараюсь делать рывки с помощью рук как можно больше. В висках стучат барабаны, ветер путается в волосах, пока легкие разгораются жгучим пламенем. Визжу, запнувшись о камень, но добавляю скорость, пусть большой палец ужасно болит. Первым на забор прыгает парень, карабкаясь до самого верха и подавая мне руку.

– Скорее!

Озверелый ротвейлер находится всего в метре от меня, и когда я делаю рывок вперёд, цепляясь пальцами за режущую кожу решетки, чувствую горячее дыхание на ноге. Переполненная проносящимися по венам адреналином, взбираюсь на верхушку, намертво вцепившись в металлическую трубку. Сердце бешено колотится, предупреждая, что вот-вот выпрыгнет из груди.

Пес злобно лает на нас, задрав свою здоровую морду, тяжело дыша и брызжа слюной во все стороны. Я и незнакомец тихо сидим на верхушке, слышно лишь наше тяжелое дыхание, но через пару минут раздается громкий смех, начавшийся так внезапно, словно выстрел из пушки.

3

Мы сидели на заборе около получаса. Все потому что собака не уходила, а носилась из стороны в сторону и безостановочно лаяла на нас, как на кошек на ветке дерева. Первые пятнадцать минут мы оба молчали, только чуть позже начали перекидываться редкими репликами. Вроде: «Когда он уже закончит? Дурацкая трубка отдала мне ногу...» А потом кинула на нас горящий ярим пламенем взгляд и исчезла так же быстро, как и появилась. Первым с забора спустился парень. Он с минуту постоял, озираясь по сторонам в поисках собаки.

– Можешь слезать, – обратился он ко мне. – Похоже, пёсику надоело попусту брэнчать и растрчивать свой запас слюней, – парень, видимо, попытался пошутить. – Но упрямости у него не занимать!

Я спустилась по сетке на землю, отряхивая одежду и руки, как будто бы могла замараться, сидя на заборе.

– Ты как, в порядке?

Не могу сдержаться, чтобы не усмехнуться. Нет, я не в порядке! Я испугалась до чертиков! Конечно, собаки – моя любовь, но не когда они собираются разодрать тебя на кусочки, как тузик грелку!

– Нормально.

– Отлично. – Хлопнул в ладоши парень. – Ну и вечерок

выдался, надо же.

– Откуда взялась эта псина? – почувствовав легкий укол гнева и раздражения, я скрестила руки на груди. Мне действительно интересно, с чего вдруг за ним увязался громадный ротвейлер.

Бегун от громадных устрашающих собак протянул:

– Ну... В общем, я шел через парк, и он за мной увязался.

– Просто взял и увязался? Без причины?

– Да, – кивнул тот, но я все равно не поверила, продолжая стоять в прежней позе с неизменно изогнутой бровью. Он прекрасно видел, что я ему не верю, поэтому обреченно выдохнул: – Нет. Он был в одном из дворов, а там калитка была не закрыта...

– В одном из дворов? – засомневалась я.

– Идти по тротуарам обычным путём скучно. Через дворы намного веселее. Кто знает, что увидишь во дворах у других людей.

Брюнет пожал плечами и завершил свою пламенную речь широкой улыбкой, приподнимающей щеки, из-за чего стало казаться, будто бы его глаза тоже улыбаются. Молчу. Смотрю на него непроницаемым взглядом, пытаюсь понять, шутит он или нет, и как может быть веселым добираться куда-то через чужие дворы, законно ли это вообще. Впервые слышу, чтобы кто-то так делал. У меня уже сложилось небольшое мнение об этом парне:

1. Ненормальный.

2. Странный.

3. Абсолютный псих.

Нет, ну кто будет улыбаться и радоваться после такого?

Ответ: только псих.

– Ты больной, – сообщаю ему интереснейший, возможно, даже неожиданный для него факт, разворачиваясь и уходя.

– Ну, может... – по шаркающим шагам было ясно – он плетется сзади. Его речь резко обрывается, сменяясь криком: – Господи, пёс вернулся!

Громкий голос ударил по моим вискам, и снова тело начали пронизывать разряды десятка молний. Я резко развернулась, испуганно глядя назад в полной готовности сорваться с места и бежать как можно быстрее, насколько осталось сил. Но вместо чьего-то злобного домашнего питомца за мной оказался лишь задыхающийся от приступа смеха мальчишка, скрививший свое лицо так, будто бы он прибывает в самых ужасных мучениях. Страх постепенно испаряется, отдавая своё место такой злости, от которой обычно в мультфильмах из ушей валит пар. Краснея, сжимаю кулаки и челюсти, чтобы не придушить шутника собственными руками.

– Придурок! – выкрикиваю ему, ускоряя шаг с огромным желанием увеличить расстояние между собой и психопатом как можно быстрее. Для его же блага будет намного лучше, если я буду далеко. Ко мне вновь вернулось то состояние, умиротворенного спокойного настроения как будто бы ничего и не было часом ранее.

На пути стало видно каменное ограждение, означающее то, что я близко к выходу. Позади снова доносятся шаги, и их я пытаюсь игнорировать, продолжая идти вперед.

– Эй, подожди! Да стой же ты! – тяжело дыша, окликнул меня парень. Видимо, совесть заела, раз решил все-таки догнать и извиниться. – Извини, ладно? Глупая была шутка...

– Рада, что ты это понял! – ворчу в ответ, ни на секунду не останавливаясь и не сбавляя шаг.

– Ну, постой же.

Брюнет перегородил собой путь, не давая мне пройти, как бы я не пыталась. Я шаг влево – он шаг влево, я шаг вправо – он туда же. Бесплезная тактика. Из всех вариантов мне остается лишь выслушать его или убить.

– Я не хотел пугать тебя. Понимаю, ты и так натерпелась за этот вечер, – не поверишь, как натерпелась, промямлил внутренний голос. – Так что прости. Знаешь, я мог бы проводить тебя в качестве искупления вины. Где ты живешь?

– Не надо меня провожать. Ты прощен, и теперь, когда твоя совесть чиста, можешь идти куда угодно, и я пойду куда угодно мне, хорошо?

– Настаиваю, – не отступал юноша. Сейчас, при лучшем освещении глядя на него я понимаю, что он мой ровесник. Может, на год старше, не больше.

Тяжело сглотнув, закрываю глаза, представляя реакцию, лица и визги подруг с многочисленными вопросами, если они увидят, что он проводил меня до дома. Он не отстанет,

и я это прекрасно понимаю. Только что убедилась. Дважды. Я открыла глаза и внимательно посмотрела в лицо парня, размышляя, согласиться или продолжить пытаться отвязаться от него.

Поблескивающие зеленоватые глаза внимательно смотрели на меня в ответ, и я догадываюсь, что мысленно он упрашивал меня согласиться. На вид незнакомец совершенно не был похож на таких же, как Ноа и его друзья. Наоборот, он очень даже приятный на вид, я бы сказала, красив: выше ростом меня на голову с мягкими чертами лица и большими искрящимися энергией глазами и эта улыбка... Может, встретившись при других обстоятельствах, я бы думала о ней, хотела бы или нет, но думала. Потому что она искренняя, это видео невооруженным глазом. Мой строгий недовольный взгляд исчезает, выражение лица смягчается, да и бурлящая в груди злость утихает. Ладно, возможно, он и не абсолютный псих и не ненормальный. Возможно, моё первое впечатление оказалось ошибочным... По крайней мере, сейчас этот парень похож на обычного нормального подростка.

Я шумно выдохнула, давая, таким образом, ему согласие.
– Ладно.

Зеленоглазый вздернул бровями.

Что-то легкое и мягкое как пух внезапно успокоило быстрое сердцебиение, бережно и нежно касаясь его. Почему-то мне захотелось сделать то же самое в ответ. Мы в молчании направились в сторону дома Арии...

Сумерки поглотили город, отчаянно пытающийся бороться с ними при помощи искусственного освещения, растянутого вдоль бесконечной трассы, и ему успешно удается держать позицию. Невысокие двухэтажные дома тоже не остались в стороне: во всех окнах горел свет. За каждым окном течет своя не похожая на остальные жизнь, и придумывать маленькие истории на эту тему всегда было моим любимым занятием. Кто знает, вдруг в том доме, с припаркованной рядом «тойотой», живет семья с двумя маленькими детьми. Папа играет с сыном и дочерью, в то время как мама заканчивает мыть посуду после вкусного ужина. Или там, в соседнем доме, где горит тусклый синеватый свет всего в одной комнате, какая-нибудь молодая безумно влюбленная пара по привычке смотрит любимый фильм. Версий миллионы, столько же, сколько и горящих окон. Порой хочется заглянуть в каждое и узнать, что же происходит там на самом деле. Лишь изредка мимо нас проносятся автомобили, внося в борьбу с тьмой свою мимолетную лепту и заставляя нас морщиться от бьющих по глазам лучей фар, нарушая идеальную тишину ночи; где-то над нами указывает путь Полярная звезда.

Удивительное время суток. Ночью будто бы начинается совершенно другая жизнь, и невозможное начинает казаться возможным, стираются рамки для воображения и размышлений. Ты абсолютно свободен.

Мы шли и шли, а дорога до дома Гиллисов казалась беско-

нечной. Одни магазинчики сменялись другими, перекрестки превращались из одного в два и в три и в четыре, а мы все шли, слушая стук собственной обуви об асфальт. Ритмичный глухой звук постепенно успокаивал, возвращая обычное состояние. На удивление, шагающий рядом «джентльмен» не произносил ни слова, за исключением тихого бурчания под нос какой-то мелодии. Проводить незнакомую девушку черт знает, куда ночью не кажется для него проблемой. Предполагаю, он расценивает это как ещё одно маленькое приключение, менее сумасшедшее, чем лазание по чужим дворам и побег от злющего пса.

– Кстати, меня зовут...

Парень не успел начать, потому что я торопливо перебила его, начиная буквально умолять, округлив глаза как обезумевшая:

– Нет! Молчи, не называй своего имени, пожалуйста.

– У тебя что, проблемы с именами? – слегка сдвинув брови к переносице, усмехнулся он.

– Типа того.

– Ладно, не буду, пусть и не понимаю, в чем проблема.

– У всех свои причуды, верно?

– Верно, – приподнимая левый уголок рта, согласился брюнет. – И я не могу узнать, как зовут тебя?

– Нет.

– Прекрасно, – разочарованно фыркает тот, всплеснув руками.

Я чуть улыбнулась, вернув взгляд на полупустой тротуар. Он заметил это, тут же заявляя:

– Улыбка идет тебе намного больше, чем недовольная мина.

Мы останавливаемся. Усмехнувшись, одариваю его ироничным взглядом и лицом «серьёзно?», стараясь не сталкиваться взглядами, хотя на самом деле становится неожиданно приятно. В животе возникает нечто, смутно похожее на щекотку, и щеки начинают краснеть от смущения. Не то, чтобы со мной ничего подобного никогда не происходило, и парни не делали мне комплименты... Почему-то именно этот прозвучал гораздо искренней и неожиданней.

– Идешь? Или это твой дом?

Дом Арии Гиллис находился в квартале от того, рядом с которым мы сделали первую и последнюю остановку за весь путь. То ли от скуки, то ли чтобы сгладить напряжение, мы начали разговаривать. Просто делиться мыслями о первых, попадавших в поле зрения вещах, будь то почтовый ящик или прикрепленное к столбу объявление с огромными жирными буквами, гласящими: «ПРОДАЕТСЯ КУХОННЫЙ ГАРНИТУР». Мы придумывали этим вещам истории, так же, как делаю я с жильцами домов.

– Бьюсь об заклад, что этот забор фиолетовый, потому что здесь живет кошатница, помешанная на вязании и выращивании цветов.

– А мне кажется, тут живёт художник, решивший выде-

литься среди других и разукрасить свой забор в любимый цвет. Посмотри, у всех остальных белые, а у него – фиолетовый.

На удивление, наше общение шло легко и непринужденно, как ход стрелок на часах. Сейчас я не чувствовала себя рядом с ним некомфортно или неуютно, не было тяжелящего воздух напряжения. Мы будто бы знаем друг друга уже очень долго.

Жаль, что всё это длилось всего один квартал.

Я остановилась напротив одноэтажного штукатуреного дома с одной комнатой прямо под крышей. В той самой комнате горел свет, означающий возвращение подруг с вечеринки и ожидание меня.

Мы стоим, друг напротив друга, и неожиданно для себя я говорю:

– Спасибо за компанию. Ты оказался не таким уж и ненормальным.

Не уверена, что такое вообще можно говорить людям, которых впервые встречаешь, но слово не воробей...

Парень косо и слегка устало ухмыльнулся, взъерошив густые каштановые волосы.

– А ты оказалась не такой уж и злокой.

Мы оба тихонько рассмеялись над собственными признаниями.

В сердце вдруг пришелся неприятный укол, заставивший прекрасное настроение смениться грустью. Мы боль-

ше не увидимся. Я сама себя удивила мыслью, что была бы не против прогуляться с ним вот так вот еще раз. Как-то незаметно мы начали тянуть время, молча глядя то по сторонам, то задрав головы к небу. Никто не знал, что сказать, но и уходить не спешил. Я пыталась предположить, о чем сейчас думает мой спутник: может, о том, когда я распрощаюсь с ним и уйду, или стоит ли ему выпалить очередную шутку. Может быть, он был далеко от этого мира, судя по поднятой кверху голове.

– Еще увидимся?

– Кто знает.

4

Ни Холли, ни Ария не видели, что до дома меня проводил незнакомый парень, относящийся к разряду тех, кого обычно печатают на обложках девчачьих журналах. Они сидели на большой смятой постели и о чем-то разговаривали, изредка посмеиваясь, но как только я вошла в комнату, тема была сменена. Подруги спросили меня о том, где я была все это время и почему ушла с вечеринки, на что я ответила так, как было, с упущением детали о том, чьего имени знать не захотела. Теперь это кажется плохой мыслью. Было бы намного проще, если бы я знала, как его зовут, и все же пусть это останется небольшой загадкой для меня. Он не сказал «пока», а «до встречи», из-за чего теперь душа лелеет крохотную надежду.

Подруга о чем-то увлеченно рассказывала, но по большей части я ее не слушала. Мои мысли занимает плавная асимметричная улыбка зеленоглазого юноши. Не то, чтобы со мной такое впервые... Я и раньше подолгу не могла выбросить из головы мальчишек, просто сейчас это кажется забавным. Мне довелось побывать на десятке свиданий, пусть и подстроенных, и ни одному из претендентов на мою пару не удалось настолько всполошить мои мысли.

С тех пор прошло две недели. Не больше, не меньше. С таинственным незнакомцем и любителем нестандартных

решений мы больше не встречались, и жизнь пошла своим обычным чередом: школа, множество контрольных перед окончанием учебного года, времяпровождение с подругами и семьей, любимые ток-шоу по телевизору... Но иногда меня одолевает будто бы легкая хандра: в любой момент и время суток в памяти всплывает скрупулезно выведенная памятью улыбка, и я ничего не могу с этим поделать. Мозг сам собой разгоняет мысли, как ветер тучи на небе, и возникает она, после чего думать ни о чем другом не получается. Это казалось странным, будто бы я наблюдала за кем-то другим, а не проживала свою собственную жизнь. Так обычно случается, когда в твое обыкновенное бытие приходит нечто новое, о чем ты никогда не мог подумать раньше. Поначалу я отнеслась к этому как к болезни, которая везде таскается за тобой, хочешь ты этого или нет, но потом свыклась с мыслью, что любая (практически любая) болезнь проходит, и вскоре черты широкой улыбки, обнажающей ровные ряды зубов, сотрутся.

Сегодняшний день выдался особенно солнечным, и Ричмонд-Хилл особо ощутил приближение долгожданного лета. Жители города вышли из своих домов, чтобы ощутить на коже тепло ласковых лучей, затопляющих собой аллеи и площади. Честно говоря, конец весны всегда жутко похож на лето. Его уже можно неофициально считать летом.

Сейчас город кажется особенно ярким и красочным, пусть кому-то таким вовсе и не покажется. Да, он выглядит как лю-

бой другой собранный из таких же домов и сетевых супермаркетов город, но оглядываясь вокруг, замечая не до конца распутившиеся листья на деревьях, аккуратно посаженные по клумбам цветы, бесконечно синее небо над головой, и наблюдающими за жизнью сверху вниз облаками, понимаешь, что в этом и заключается вся живописность привычного городка.

Этим утром моей целью был книжный магазин, расположенный в центре города, где я хотела купить новую книгу, так как все что были, я уже перечитала, и хотелось чего-нибудь нового. Конечно, можно было бы скачать какой-нибудь роман через один из интернет-магазинов и прочесть в электронном виде, но я считаю это, откровенно говоря, полным извращением над книгами. Как можно читать, когда не ощущаешь кончиками пальцев тонкие страницы, не чувствуешь запах свежей полиграфической краски, не слышишь шелеста бумаги от перелистывания... Ты должен чувствовать книгу, чтобы как следует погрузиться в созданный автором сказочный мир.

– Нет, я сегодня не смогу. – Ответила я подруге, находящейся «на другом конце провода».

– Почему?

– Потому что сейчас куплю книгу, а потом поеду с папой и мамой на пикник. Воскресенье, помнишь?

– Ах, да, точно. Семейный день. – Я живо представляла, как закатывает Холли глаза, произнося «семейный день». Ее

родители находятся в разводе уже шестой год, и с тех пор у неё именно такая реакция на все, что связано с семьей. Я знаю Холли достаточно хорошо, чтобы понимать, что такое отношение фальшь.

Мы никогда не пропускаем семейный день, даже если есть важные планы, у них нет никаких шансов. На самом деле, я люблю этот день. В воскресенье каждой недели мы выбираемся всей семьей в парк или торговый центр, или даже отправляемся на суточную поездку за город и проводим, таким образом, весь день. Отличная возможность сблизиться с родителями и почувствовать непоколебимую сплоченность семьи.

– В другой раз, – пообещала я ей, бросив взгляд на светофор. Красный, отлично.

– Слушай, Теа...

Дальше слов подруги я не услышала. В то время как я ступила на черно-белую «зебру», мне навстречу вывернула машина, злобно рыча мотором и не замедляя хода. Она беспощадно неслась, намереваясь пересечь пешеходный переход, когда мой взгляд встретился с парой больших круглых фар. От страха тело будто бы остолбенело, и только одно единственное сердце могло стучать в груди, висках, горле, животе. Меня окутала туманная пелена ужаса и вопящего осознания того, что эта машина – последняя вещь, которую я увижу, как вдруг кто-то резко дернул меня назад, впиваясь крепкой хваткой в предплечье. «Осторожно!» Буквально в ту же

секунду, когда я вновь оказалась на тротуаре, машина пересекла «зебру» в том самом месте, где я стояла. Нога загнулась о другую, от чего я чуть не рухнула на землю, оставшись стоять лишь благодаря тому, кто все ещё держал руку. К телу вновь вернулась возможность двигаться, но я продолжала стоять недвижимо и смотреть широко распахнутыми глазами туда, не повернувшись, чтобы поблагодарить спасителя. Какой-то наплевавший на все правила, лихач чуть было не предрешил всю мою дальнейшую жизнь. Перед глазами все еще мелькали отрывки произошедшего несколько мгновений назад.

Наконец отойдя от шока, я встрепенулась, поворачиваясь лицом к тому, кого теперь должна буду называть спасителем:
– Спасибо большое.

Наши взгляды встретились, и я узнала в них ту самую зелень, залитую в этот раз полуденным солнцем. Мы с нескрываемым удивлением смотрели друг на друга до тех пор, пока парень не расплылся в той самой асимметричной улыбке, атакующей мое воображение все эти дни:

– Видимо, спасти тебя становится моей новой привычкой. Это твоё хобби – попадать в передряги?

– Вообще-то, в прошлый раз я спасла нас, побежав к забору, а ты просто последовал за мной, боясь быть разодраным собакой.

Брюнет, чуть прищурившись, слукавил: «конечно».

Внутри что-то подпрыгнуло и перекрутилось. Смешанное

ощущение некой радости, удивления и чего-то ещё, похожего на мелкое раздражение, обычно возникающее из не откуда как защитный рефлекс, даже если тебе категорически не хочется.

Я совершенно забыла о том телефоне и о Холли, ожидающей на противоположном конце невидимой сотовой линии. Держа в руке крепко сжатый телефон, я поднесла его к уху. «... случилось?! С тобой все в порядке, Теа?! Ответ немедленно, иначе...» Пообещав перезвонить позже и все объяснить, я прервала звонок.

– Это явно знак, – усмехнулся парень, имея в виду нашу вторую встречу.

Может, оно действительно так и есть, и встретить одного и того же человека второй раз действительно знак, но никто не отменял такую вещь, как простое совпадение. Люди всегда сталкиваются с совпадениями, и тогда назревает вопрос, могут ли совпадения быть знаками?

Наступило молчание, становившееся с каждой секундой все более и более неловким. С одной стороны я была рада увидеть его, но с другой вдруг стало как-то неудобно. Вдруг он решил, что я преследую его? Или еще чего-то подобного? Нет уж, лучшим вариантом будет уйти.

– Спасибо ещё раз. Мне пора, – бормочу я.

На сей раз моим решением было перейти дорогу на дальней остановке.

Я чувствовала позади знакомое движение и слышала шар-

кающий по земле звук, отделяющийся от других. Он шел за мной. Поначалу я думала, что нам просто по пути, но чем дальше мы шли вот так, тем больше я понимала, что он идет именно за мной. Ускорение шага, завороты в скопления других прохожих... Как бы не изменялся мой путь, за спиной все равно шуршали все те же подошвы. Некое особое шуршание, которое удалось каким-то образом хорошо запомнить. Я не оборачивалась, просто точно знала, что именно этот парень специально мерит своими шагами мой маршрут.

– Можешь идти куда шел. В книжном магазине со мной уж точно ничего не случится.

– Вдруг на голову книжная полка упадет? – предположил брюнет, и по его голосу, который он усердно пытался сделать серьёзным, стало ясно: та улыбка все еще подрагивает на тонких губах.

Он неизменно следовал за мной, от чего возникла мысль, не всерьёз ли он говорил про полку с книгами. На пару минут создалось впечатление, будто бы я – какая-нибудь знаменитость, за которой везде и всюду следует телохранитель.

Рука почти что прикоснулась к дверной ручке магазина, когда «Дважды» Спаситель опередил меня, открывая стеклянную дверь и ожидая, пока я войду. Я снова посмотрела на его довольное лицо, на мелкие морщинки возле глаз, на прямой нос, и мне вдруг стало интересно, на скольких девушках он уже испытал такой способ охмурения? Мы вошли внутрь.

Позади нас звякнул колокольчик, оповещающий о приходе и уходе ценителей параллельных миров и иных реальностей. Мельком оглядевшись, я тут же направились рыскать по отделам, потому что осталось меньше часа, прежде чем я должна буду быть дома и ехать на семейный пикник. Дальше потенциальный телохранитель за мной не пошел.

Касаясь кончиками пальцев, выуживая книги одну за другой, петляя меж рядов с современной прозой, научной фантастикой, зарубежными и отечественными романами я кусала ноготь на указательном пальце, не в силах сделать выбор. Когда дело доходит до выбора новой книги, это всегда непросто.

Должно быть, прошло достаточно времени, и уже пора уходить, чтобы не заставлять маму и папу ждать. Пообещав себе посмотреть последнюю, я взяла с верхней полки книгу. Внезапно рядом возник голос, заставивший меня закатить глаза и поставить книгу обратно на свое место.

– Помочь?

Он не сказал, но я уверена, в его голове прозвучал подсчет: «в третий раз». Я отрицательно покачала головой, сосредоточенно вычитывая названия на корешках.

Парень не уходил. Стоял рядом, будто бы ожидая, когда мне все же понадобится его помощь. Это было уже слишком и, казалось, давило, приводя в легкое бешенство и нервозность. Вобрав в легкие побольше воздуха, пытаясь быть сдержанной, я решительно повернулась в его сторону. Вни-

мание тут же привлекла прикрепленная к клетчатой на груди ткани глянцевая прямоугольной формы бумажка с надписью «продавец-консультант...» Дальше этих слов должны были идти имя и фамилия, поэтому я поспешно отвернулась. Этот парень работает здесь? И он вовсе не беспокоился о моей голове? Мы просто шли в одно место, я – за книгой, а он – на работу.

– Нил Гейман.

– Что?

– Если не знаешь, что взять, возьми «Океан в конце дороги». Любишь фэнтези?

На самом деле я редко читаю что-то из раздела фэнтези. Обычно предпочтением пользуются романы, но, тем не менее, я взяла книгу из его рук.

Мельком прочитав аннотацию на обороте картонного переплета, мне все же стало немного интересно узнать, что же означает океан, что за история приключилось с главным героем в детстве. Между прочим, таким образом, меня заинтересовала, по меньшей мере, половина тех книг, побывавших в моих руках за этот отрезок времени, так что сомнения все равно никуда не исчезли.

– «Как не крути, книги были надежнее людей». Это цитата из «Океана», – тут же пояснил парень, указывая на произведение Нила Геймана.

Я вновь уставилась на книгу, не в состоянии толком решить: взять ее или другую.

– Если не можешь решить, открой любую страницу и прочитай отрывок. Заинтересует – бери, ну, а если нет, то есть десятки других вариантов. – Посоветовал продавец-консультант, пожимая плечами.

Просунув кончик ногтя между страниц, я раскрыла испещренные мелким шрифтом страницы, приятно пахнущие полиграфической краской. Почему-то запах нераскрытой молодой книги всегда напоминает дом с загроможденными печатными изданиями многих поколений шкафами.

«Котенок поднимался за нами, смешно прыгая по ступенькам. Я улыбнулся.

В доме на самом верху была комната Лэтти, а рядом с ней – еще одна, туда мы и вошли. В камине пылал огонь, расцветивая все вокруг желто-оранжевым. Комната манила теплом и уютом. В каждом углу кровати стоял столб, и у нее были свои занавеси. Что-то такое я видел в мультфильмах, но в жизни – никогда.

«Твои вещи уже приготовлены, наденешь их утром, – объяснила Лэтти. – Если что, я сплю в комнате рядом, вдруг что-то понадобится, ты просто крикни или постучи, и я тут как тут. Ба сказала тебе пользоваться домашней уборной, но туда долго идти и ты можешь заблудиться, так что, если захочется, под кроватью стоит ночной горшок, самый что ни на есть обычный».

Я задул свечу и нырнул под занавеси в кровать.

В комнате было тепло, но постель была холодной. Ее тря-

нуло – что-то приземлилось, и по одеялам забарабанили маленькие лапки, меховой комочек уткнулся мне в лицо и тихо заурчал.

Дома все еще хозяйничал монстр, и за ничтожный отрезок времени, который вроде бы извлекли из реальности, случилось столько всего: отец держал меня под водой в ванне, возможно, пытаясь утопить. Я долго бежал в темноте. Я видел, как отец целует и трогает существо, называвшее себя Урсулой Монктон. Страх не оставил меня.

Но тут, на подушке, лежал котенок, он урчал мне в лицо и в такт своему урчанию мерно подрагивал; я очень скоро заснул».

Строчки уносили меня от одного предложения к другому, с каждым словом все более и более погружая в вырванный наугад кусочек жизни существующего в бесконечном цикле мира, вмещающегося у любого из нас в руках или сумке.

Все это время рядом неизменно стоял продавец-консультант и одновременно спасатель невнимательных девушек от безбашенных лихачей, внимательно наблюдая за мной сверху вниз с каким-то удовольствием. Будто бы ему нравилось созерцать, как читают другие. Я хотела и могла бы сказать, что мне не нравится столь пристальное наблюдение практически лицом к лицу, но мой рот оставался закрытым. С одной стороны это было даже милым. Только так я могу объяснить возникшие на щеках розовые пятна – еще одна причина читать, не отвлекаясь и надеяться, что краснота щек

быстро сойдет.

Книга делала свое дело, удерживая меня в своих объятиях.

Отрывок закончился переходом на следующую главу, и только тогда я закрыла книгу, иначе так можно просидеть здесь до тех пор, пока не закончится последняя страница.

Пальцы на руках брюнета быстро загибались и разгибались, как бы он не пытался унять нервозность от нетерпения. Казалось, если бы мы с ним были лучше знакомы, его бы так и затрясло, и он безостановочно бы засыпал градом из слов, давая понять, как безумно любит это произведение; в глазах так и горел огонёк. Парень ждал, пока я что-нибудь скажу, но сказать ничего конкретного я не могла. Что можно сказать о книге, прочитав всего два абзаца? Поэтому единственное высказанное вслух было неопределенное слово «интересно».

Не скрывая разочарования, брюнет шумно вздохнул, не сводя своих больших зеленых глаз.

«И все? Это все, что ты можешь сказать?»

«Ну... да».

Тонкая нить мысленного общения словно давала нам понимать друг друга без слов. Или же просто мне хотелось так думать. Стало как-то неловко от незнания, чего бы еще добавить к своему односложному ответу, вот только это до сих пор остается единственным словом, приходящим в голову.

Я вновь взглянула на книгу. Исходя из того, что за все проведенное здесь время ничего более завоевавшего мой ин-

терес найти не удалось, я решила взять ее.

– О`кей. – пожала я плечами, прижав к груди произведение нового для своего мира автора.

– Поверь мне, ты точно не пожалеешь, если потратишь на прочтение этой замысловатой книги один день из своей жизни, – заверил парень.

Через пять минут книга вместе со мной спешила в свой новый дом.

Мы приехали в один из парков, в который ездили почти что каждую неделю. На самом деле, он больше похож на лес, нежели на парк. Здесь очень много больших раскидистых деревьев, отбрасывающих тень на большую часть небольших лужаек. За счет того, что паркрасположен в самой дальней части города, тут нет машин, воздух намного чище и тишина пропитывает собой каждый уголок.

Папа заглушил мотор автомобиля, объявив о прибытии в пункт назначения. Получив в руки старый коричневый плед, я направилась следом за родителями в поисках «идеального места для пикника». Парк был настолько больших размеров, что казалось, будто бы он пустует. Отдыхающие старались располагаться подальше друг от друга, чтобы ненадолго побыть вне бесконечного суетливого круговорота общества. По пути нам встретилось всего две небольшие семьи с парой еще толком не образумившихся детишек. Мы приветливо помахали им руками. Как и мы, они нередко заглядывают сюда на выходных.

– Здесь. – Остановился папа, уперев в бок свободную от корзины руку.

Кружевная тень, похожая на огромную паутину, образованная двумя ветвистыми кленами, создавала идеальное для отдыха место от пекущего солнца.

Мы расстелили плед и выложили на него приготовленные мамой фирменные сэндвичи с индейкой и говядиной, пакет яблочного сока и немного фруктов. Папа принес из машины футбольный мяч и две ракетки для бадминтона. Дожидаясь, пока мама и папа сыграют партию, размахивая чудаковатыми предметами с натянутой в центре сеткой, я легла на траву, достав из сумки свежее купленный «Океан в конце дороги».

5

На прочтение «Океана в конце дороги» у меня ушло два дня. Не потому что моя скорость чтения как у первоклашки, а потому что книга слишком сильно заинтересовала меня. Я растягивала чтение от главы до главы, бросаю с желанием поскорее перескочить все эти строчки и узнать, чем все закончится. Это была одна из тех книг, в которую погружаешься с головой, и в какой-то момент ощущаешь себя ее неотъемлемой частью. Ты будто бы становишься одним из её персонажей, и у тебя есть своя роль в этой истории. Я думала, строила догадки, цепочки, старалась понять. В один момент даже захотелось крепко обнять того парня, давшего мне ее. Но всегда настает тот момент, когда чему-то обязательно приходит конец, вот и книгу мистера Геймана постигла та же участь в моих руках. История завершилась.

Первую половину дня мои мысли преследовали цитаты, факты, выводы, настоящее значение слова «Океан» в этом мире и, конечно же, досада. Очередное произведение было мной поглощено. Я хотела ещё, просто необходимо найти новую историю, такую же затягивающую и заставляющую задуматься.

Я снова пошла в тот книжный магазин, чувствуя неловкость и легкий дискомфорт. Почему-то было неудобно появляться перед ним там снова.

– Да вы только поглядите, кто пришел! – воскликнул парень, как только я перешагнул порог магазинчика. – Ты что, преследуешь меня? – тут же прищурился он.

Иронично сведя брови, я подошла ближе, спеша разочаровать:

– Ты слишком высокого о себе мнения. Я прочитала.

– Долго ты. – Сверкнул рядом белых зубов брютет. – И как?

Я задумалась, пытаюсь составить в мыслях точную формулировку мнения о книге.

– Каждый видит в этой сказке что-то свое: свое детство, свои страхи, воспоминания... Она заставляет задуматься о том, как на самом деле легко разрушить все то, что строилось годами и веками, как хрупок каждый отдельный мирок. Она поучительная и мудрая. Хочется грустить и радоваться. Здесь разворачивается целая битва, не только между добром и злом, но и между взрослым и ребенком, верой и неверием, миром фантазий и реальностью. Но победителей и проигравших нет: каждый что-то утратил, но что-то и обрел. Мне очень понравились слова Лэтти о взрослых: «Взрослые тоже изнутри не такие уж взрослые». Взрослые действительно остаются детьми, верно? Детство никогда не покинет человека полностью и всегда будет заполнять какой-то уголок души. Вообще, мне очень нравится Лэтти Хэмсток. Умная, яркая, рассудительная и жизнерадостная девочка. Ума не приложу, как Гейман мог так с ней обойтись! Несправедливо

ведь!

Пока я говорила, парень внимательно слушал меня, иногда еле заметно кивая, соглашаясь со словами, и улыбка на его лице теперь сияла бликами довольства и заинтересованности. Он стоял возле кассы, подперев кулаком подбородок и внимательно слушая каждое слово, словно я не высказывала свое мнение о книге, а читала вслух Декларацию о правах человека. На его переносице образовывалась время от времени легкая складка, он изредка покусывал нижнюю губу, отводя взгляд куда-то в сторону, будто бы над чем-то размышляя. Я говорила и не понимала, что все это время смотрела только на него.

Когда мысли иссякли, а воздуха в легких стало не хватать, щеки густо покраснели, из-за чего я отвернулась к выставленным на витрине канцтоварам и прочим мелочам, осознавая всю ту глупость и неловкость положения, в которое загнала саму себя. Но, кажется, собеседник и не заметил этого.

Нарушив тишину шумным выдохом, он стукнул ладонью по столу и решительно произнес: «пойдем, найдем тебе что-нибудь новенькое».

Именно таким образом началось наше общение: я приходила за новыми книгами, которые он рекомендовал мне, а потом мы вместе обсуждали их, излагая друг другу свое мнение и нередко ведя споры.

Станным образом я привыкла к обществу этого парня. Он не смущал и не заставлял чувствовать себя не комфорт-

но, хотя пока что единственной нашей темой были истории разбросанных по миру живых и умерших авторов, что герои останутся жить вечно. Он даже снимал бейджик в моем присутствии и никогда не спрашивал об имени или еще чем-то подобном. Кажется, ему нравилась такая неизвестность. Мои визиты были частотой в три-четыре прихода в неделю, в зависимости от объёма книги. После школы, во время обеда, на выходных... Иногда я попадала в то время, когда была чужая смена, а не его, и тут же уходила, потому что не смогла бы выбрать сама, и мнение другого продавца-консультанта меня не очень-то и интересовало.

До окончания учебного года и начала летних каникул оставалось меньше недели, когда неутомимые Ария и Холли вновь подошли ко мне со своими вечными попытками найти своей несчастной одинокой подруге парня. Даже не смотря на провал с тем же Ноа, они не отступали, как настоящие рыцари перед своим долгом...

– Не хочешь прогуляться после геометрии? – как бы невзначай спросила Ария.

Я сделала задумчивый вид, постукивая указательным пальцем по подбородку и всматриваясь в серый полоток:

– Хм... Рыжеволосый высокий красавец с прекрасными глазами и завышенной самооценкой, а еще с полным нулем в голове и эго, бьющим все рекорды. Угадала?

Девушки удивленно переглянулись между собой, сделав вид, будто бы понятия не имеют, о чем я говорю. А тем вре-

менем во мне не на шутку начинала закипать бесконтрольная злость.

– Ой, да ладно вам! Хватит водить меня на всякие бесполезные свидания с тупыми парнями, у которых один гель для волос вместо мозгов! Неужели вы не понимаете, что пока мне и одной хорошо. Я не хочу ни с кем встречаться, ходить на свидания. Мне нравится свобода! И те, кого вы каждый раз приводите... Да я даже видеть не хочу таких как они! Им никто, кроме себя любимых, не нужен! Они как фон, фоновый мусор. Если я одна, это не значит, что мне обязательно нужно искать пару! Да и кто вам вообще дал право делать это за меня? Если искать, то никогда не найдешь, ясно? Никогда! – Слова вылетали из меня как пули из винтовки, на одном дыхании, и воздуха катастрофически не хватало, из-за чего начали гореть легкие и кожа. Переведя дыхание, я начала говорить спокойнее: – Придет время, и найдется тот, кто будет со мной по своей воли, а не потому что его приволокли на свидание.

Опешившие подруги молча стояли, боясь, лишний раз пошевелиться. Я очень редко кричу на кого-то, наверно, именно поэтому они были в таком состоянии. Или потому что слышали всю правду о своей ужасной затее, и теперь все осознают. Во всяком случае, я не жалею о произошедшем. Рано или поздно как-то надо было донести до них это.

– Ладно... – спустя несколько секунд молчания, сдалась Гиллис. – Прости. Мы думали, тебе нужен кто-то. Ты по-

стоянно одна и ни разу не ходила на настоящее свидание... Мы продумали, ты хотела бы, но, видимо, крупно ошибались в этом. Прости.

Ее слова прозвучали так, будто бы это я – самый большой эгоист, а не все те, кого они мне подсовывали. Хотелось поморщить нос от нахлынувшей неприязни, всем видом говоря, как ошибаются подруги, но их виноватый вид с нервным перебиранием пальцев отговорил меня так делать. Я просто молча топталась на месте, желая поскорее уйти. Это было самым трудным для меня в общении. Ощущение, похожее на то, когда тебя сажают в тесную коморку размером чуть больше твоего тела. В один прекрасный момент воздух начинает заканчиваться, и ты судорожно оглядываешься по сторонам в поисках помощи, чувствуя себя одновременно огромным и ничтожно маленьким.

Не знаю почему, но мне стало стыдно... О чем бы я не думала, мысли постоянно возвращались к произошедшей ситуации и заставляли чувствовать этот ужасный ком в груди, отстраненность, вину... Несколько раз я, было, чуть не рванулась извиняться, поспешно останавливаясь и причитая, что сделала правильно, иначе свидания вслепую продолжались бы вечно.

– Может, сходим куда? – без какого-либо интереса спросила Бенсон.

– Я пойду домой. У меня еще куча дел... Пока.

Только когда я отошла от девушек на приличное расстоя-

ние, как пространство вновь стало расширяться.

6

Большинство проблем подростков начинаются с учёбы. Проблемы с учебой – самые крупные проблемы студента или школьника, если, конечно, его волнует образование и дальнейшее будущее. Проблемы с математикой или историей могут быть по самым разным причинам, и моей причиной стало почти непрерывное чтение. Я и раньше чересчур увлекалась литературой, но сейчас это стало переходить все границы допустимого. Даже звучит смешно: «я не сделала домашнюю работу, потому что читала». Тем более под конец учебного года...

Я уже получила два предупреждения по двум разным предметам, и если так будет продолжаться, учителя будут вынуждены привлечь родителей. Тогда я испугалась, отложив книги, которые мне давал тот парень, вновь взявшись за учебу и неохотно вспомнив, сколько нужно приложить усилий, чтобы попасть в нормальный колледж и получить нормальную работу.

Через пару дней стало ясно, что жить без чтения у меня не выходит. Я снова взяла книгу в руки, но теперь читала меньше, и на триста страниц уходило гораздо больше времени. И походы в небольшой книжный магазинчик тоже возобновились, как и ходьба между аккуратно расставленными книгами, и слушание кратких аннотаций к различным про-

изведениям (моим условием было то, чтобы он не раскрывал главных тайн и интриг историй). В какой-то момент мне показалось, что продавец-консультант моего возраста перечитал там абсолютно все, если не больше. Он будто бы был лично знаком с каждым персонажем, и это жутко увлекало, побуждало проявлять голодный интерес.

Однажды я пошутила:

– Ты бы мог быть представителем какой-нибудь компании пылесосов и продавать их, расхаживая по домам. Люди покупали бы их, еще не успев открыть тебе дверь!

– Никто не ходит торговать пылесосами уже лет пять.

– Какая разница! Никогда не поздно вернуться к старым привычкам.

Мне нравилось то, что он всегда переворачивал свой бейджик, когда я приходила. Видимо, игра «Не называя имен» нравилась ему и, может, даже казалась своего рода азартной.

В последние несколько дней этот парень был тем, с кем я проводила больше всего времени. Меня просто тянуло туда, как каждый раз человека тянет домой.

Ария Гиллис и Холли Бенсон после того полного откровения инцидента начали осторожно относиться ко мне и реже звать куда-нибудь. Иногда такое осторожничество раздражали, практически заставляя самой предложить против своей же воли пойти на вечеринку, потому что вина все еще шевелилась где-то в груди, не давая покоя. И все же я рада, что они все поняли, прекратив попытки сватовства. Но,

как известно, одному на смену всегда приходит другое, так что этим другим стала их заинтересованность в том, почему после школы я иду в противоположную от дома сторону. Я долго колебалась, сказать им или нет. Если бы это было «да», были бы вечные вопросы и подначивания, которые не дали бы мне нормально жить, так что решением стало «нет».

– Просто я устроилась на работу в книжный магазин, чтобы поднакопить на колледж.

Наверно, в нашем возрасте не было тех, кто не работал после занятий для оплаты колледжа. Разве что богатенькие выскочки.

Например, Ария подрабатывала, продавая одежду в одном и единственном в своем роде магазинчике с дурацким названием в честь владельца или его жены. А Холли работала няней для каких-нибудь неугомонных детей, что родители решили уделить немного времени себе, или работая допоздна в две смены. Поэтому вопросов больше ни у кого по этому поводу не возникало.

Четверг

Нас и выпускников собрали в спортзале, чтобы назначить ответственных за предстоящий ежегодный бал, проходящий перед выпускным, после которого официально начинаются каникулы. В центр нарисованной на деревянном полу эмблемы вышли Монти Соберро и Пегги Грин – нынешние выпускники и ответственные за бал, начав быстро расхватывать в свою группу остальных.

Нам с подружками не пришлось долго стоять в ожидании, перед тем, как узнать, к какую группу попадем.

– Холли Бенсон и Клайд Спроус, – объявил Монти.

– Ария Гиллис и Теа Бартон, – вычитала наши имена из списка Пегги, и после этого две большие группы разбрелись в разные стороны.

Украшение площадки и угощения – вот что досталось нашей группе. Пегги Грин с милым личиком раздала каждому указания на счет вида угощения, его количества и прикидок насчет оформления, мелодичным голоском разъяснив все нюансы. И она правда казалась милой, до того момента, пока какой-то умник с дредами не решил выпендриться, заявив, что не будет готовить маффины и делать цветочные гирлянды. Тогда Пегги раскраснелась, ее доброе лицо будто бы расплавилось, из-за чего выступили морщины, и появился злобный оскал. Она стала похожа на горгулью с мощной бомбой внутри, готовой рвануть в любой момент. Я никогда раньше не видела, чтобы людей так сильно перекашивало от злости. «Не сделаешь к следующей пятнице, я выпущу тебе кишки ключами от машины, понял?» – прошипела блондинка, зыркнув на мальчишку испепеляющим взглядом. Признаться, тогда испугался не только он. Всех нас тоже пронзила легкая дрожь страха, что сыграло Пегги только на руку, потому что больше никто даже не смел, сказать ей что-то не так.

Несколько раз обратная сторона монеты Пегги говорила

и мне. Выдался неудачный день, и все прямо-таки валилось из рук, позволив разбиться белой стеклянной вазе и, благодаря потерянной равновесию, порваться двум бумажным плакатам. «Извините, я все исправлю» – то и дело вторила бесконца я, хотя этого тоже не могла сделать, получая вздохи безнадежности от Грин и остальных ребят.

В следующий понедельник мы написали итоговые тесты (к слову, я по всем получила хорошую оценку, кроме как математики – удовлетворительно), а в среду закончили украшение школьного двора для бала, тайком молясь, чтобы синоптики не ошиблись, пообещав теплый день.

Пятница

Обе группы справились прекрасно с организацией бала, развесив повсюду цветочные и обыкновенные светящиеся гирлянды, настроив звук и расставив на паре столов угощения. Начало было назначено на восемь.

К тому времени в доме Бенсонов, эпицентром которого стала комната старшей из трех детей Уиллема и Моники Бенсон, творился полный кавардак: на каждом шагу лежали платья, юбки, туфли, несколько пар коле и сережек, и помимо всего этого жуткая суэта, громкие голоса и музыка, на которую никто не обращал внимания. Мы толпились возле зеркал, перемеряли кучу платьев друг друга, делали макияж и прически, как безумцы радуясь каникулам.

– А как вам это? – выходя из ванной, покружилась вокруг себя Ария, демонстрируя легкое голубое платье в пол с од-

ним плечом. На ее темной коже и умеренно худом теле оно смотрелось великолепно.

– Ты похожа на греческую богиню!

– Шон с ума сойдет, увидев тебя! – хлопнула в ладоши Холли.

– Вот только парня-психа мне не хватало, – закатила глаза девушка, смущенно улыбнувшись.

– Так, одна есть. Осталось найти ещё два идеальных платья, и можно выдвигаться. Парни заедут за нами через час, так что лучше делать все в темпе, девочки!

Синоптики не врали: вечер действительно теплый. Солнце уже приближается к бескрайней линии горизонта, купая в последних пробивающихся сквозь крыши домов и листве лучах прибывающих в больших желтых автобусах на бал гостей. Ученики из соседних школ, учителя – они тоже гости сегодняшнего мероприятия. И поэтому, когда мы прибыли, школьный двор был полон народу.

– Что ж, дамы, мы прибыли на бал! – торжественно объявил Дэни, глуша мотор своей семиместной иномарки. Все тут же начали выходить из салона, стуча каблуками туфель о зернистый асфальт парковки.

В струящемся платье со шлейфом, достигающим до пят и открытыми чуть ниже колен ногами я чувствовала себя как никогда уверенно, будто бы оно придавало мне уверенности. Босоножки на широком каблуке обвивают ноги тонкими переплетениями, делая меня выше своего роста. Как

удивительно то, что всего лишь сменив на себе одежду, мы чувствуем себя совершенно по-иному, а иногда даже и кем-то другим. Прямо сейчас я ощущаю себя сильной и уверенной девушкой, готовой блеснуть перед всеми, провести время так, чтобы оно надолго осталось в памяти, а не было стерто лучами восходящего солнца следующего дня. Да что там, я готова покорить весь мир!

Небо над Ричмонд-Хилл окрасилось в ненавязчивые пастельные оранжевые, розовые и сиреневые цвета. Гуляющие вдалеке пушистые облака-овечки стали темно-синими с розоватыми животами и пятнами на боках, становясь со временем все меньше и меньше. Уже повсюду слышались музыка и гул голосов, рассыпанный по самым разным местам – бал совсем скоро будет объявлен открытым. Шон и Дэни представили своим девушкам локти, чтобы те взяли за них, как полагает этикет, ведя их по дорожке из серой плитки, минуя висящую между двух фонарных столбов надпись «ВЕСЕННИЙ БАЛ СШРХ». Возможно, я должна была почувствовать себя обделенной, несчастной и так далее, но этого не было. Если у меня нет пары, это не значит, что я должна плестись позади плывущих в общую толпу пар.²

Я мало кого знала из присутствующих, большинство было для меня незнакомцами, просто прибывшими в нашу школу чтобы неплохо провести время, и почему-то было странное ощущение своей обязанности познакомиться с каждым при-

² Расшифровывается как «Весенний бал Старшей школы Ричмонд-Хилл»

сутствующим. В своем бурном воображении я уже подошла к каждому, пожала им всем руки, рассказала о себе целое до-сье, и вдруг почувствовала тяжелящую усталость. «Нет, нет, вечер только начинается!» – вторила я себе, встряхнув голо-вой с волнистыми локонами.

Мы подошли к сцене, на которую уже взгромоздился ди-ректор, произнося в микрофон свою речь:

– Это был неплохой для нашей школы год. Наши ученики побеждали в международных олимпиадах, проводили кон-церты и другие вечера. Мы получили новое оборудование и средства на ремонт школы от наших спонсоров, но так же наша футбольная команда не смогла выиграть кубок сезона в этом году, – мужчина обратился к футболистам, стыдливо отводящих взгляды: – Надеюсь, на следующий год вы пока-жете себя настоящими гладиаторами, ребята! Я хотел бы по-благодарить всех тех, кто сегодня принял наше приглашение и любезно посетил этот бал. Что ж, Весенний бал старшей школы Ричмонд-Хилл объявляется открытым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.